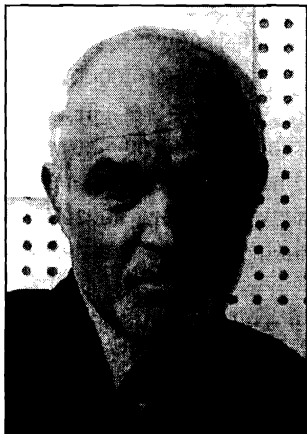

Социальное познание и ценности¹

В. П. ФИЛАТОВ

Принято считать, что с XVII–XVIII вв. утвердился идеал ценностно-нейтральной науки: ученые своими исследованиями постоянно расширяют сферу объективного знания, ориентируясь на универсальные критерии истины, рациональности и эмпирической обоснованности. Это представление подкрепляется тезисом о том, что ученые объединены в автономное социальное сообщество, нормы которого также направляют их на получение объективного знания, свободного от вненаучных личных или групповых интересов, пристрастий и ценностей. Идеи автономии науки были положены в основу деятельности первого независимого сообщества ученых – Лондонского королевского общества, в уставе которого было записано, что его целью является «совершенствование знания о естественных предметах и всех полезных искусствах... с помощью экспериментов, не вмешиваясь в богословие, метафизику, мораль, политику»². Одновременно принцип ценност-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 06-03-00322а.

² Юдин Б.Г. Нормы и ценности научного сообщества // Философия и методология науки. М., 1996. С. 447.

ной нейтральности блокировал встречное вмешательство религиозно-этических и политических установок и интересов в научную деятельность.

Конечно, такое представление о некоем автономном социальном пространстве, в котором производится чистое, объективное знание, выступало лишь идеалом и очень приблизительно отражало реальную ситуацию даже в естественных науках. И генезис, и дальнейшее развитие новоевропейского естествознания сопровождались постоянным и весьма напряженным диалогом науки с религией, метафизическими и моральными доктринами, политическими идеологиями. Это проблематика достаточно прояснена в современной философии и истории науки³. Вместе с тем ученые-естественники единодушно соглашались в том, что в самих природных объектах нет каких-либо ценностных измерений и что в получаемом знании нельзя смешивать факты и ценности. Разумеется, ученые обязаны держаться такой ценностно-нейтральной позиции только в рамках научного сообщества и в конкретной познавательной деятельности. Когда же они выходят на более широкий форум и выражают свое мнение по таким вопросам, как ядерная энергетика, глобальное потепление, сохранение биологического разнообразия, клонирование и т.п., они неизбежно начинают переплетать факты и теоретические положения с этическими и идеологическими оценками.

Существенно сложнее дело обстоит в социальном познании. И здесь перед учеными, поскольку речь идет о научном познании, стоит та же самая основная цель, что и в естественных науках, – получение достоверного и объективного знания. Однако реальность, которую они изучают, – индивидуальная и коллективная деятельность людей – в отличие от явлений природы насковзь пронизана ценностями. Важно также то, что ученый живет в обществе, которое он изучает. Хотя это обстоятельство, по мнению многих методологов социального познания, и дает обществоведы некоторые дополнительные познавательные возможности, которых нет у физика или химика (поскольку они не живут в мире взаимодействующих атомов или молекул), оно же создает и дополнительные проблемы. Позиция «внутри»

³ По этим вопросам написано огромное количество работ, поэтому отметим лишь несколько отечественных книг: Косарева Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997; Метафизика и идеология в истории естествознания. М., 1994; Белов В.А. Ценностное измерение науки. М., 2001; Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб., 2001; Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. М., 2006.

изучаемой реальности с неизбежностью порождает определенное «видение» этой реальности, которое неизбежно является ценностным, «перспективным».

Нужно учитывать также факт длительного существования и развития социального знания в лоне философской, политической и религиозно-этической мысли. Все социальные и гуманитарные науки имеют в этом смысле краткую историю и большую предысторию. Об экономической науке, например, С.Н. Булгаков в статье «Народное хозяйство и религиозная личность» (1909) писал так: «Политическая экономия в настоящее время принадлежит к наукам, не помнящим своего духовного родства. Ее начало затеривается в зыбучих песках философии просветительства XVIII века. У ее колыбели стоят, с одной стороны, представители естественно-правовых учений с их верой в неповрежденность человеческой природы и предустановленную естественную гармонию, а с другой стороны – проповедники утилитаризма – И. Бентам и его ученики, исходящие из представления об обществе как совокупности разрозненных атомов, взаимно отталкивающихся представителей различных интересов»⁴. И хотя формирование социальных наук как самостоятельных научных дисциплин шло под позитивистским лозунгом их отделения от философско-этической «метафизики», размежевание с вековым «духовным родством» давалось непросто. Так, вплоть до середины XIX в. в англоязычной литературе эти дисциплины назывались «моральными науками», этот термин использовался и на континенте⁵ наряду с названием «практические науки», в котором отражалась их генетическая связь с «практической философией» (этикой и социально-политической философией). В этом контексте вопрос о ценностной нейтральности подобной «моральной науки» может выглядеть достаточно странно – вроде вопроса о круглом квадрате.

Я отметил только некоторые причины, по которым спор о роли и месте ценностей в социальном познании приобретает сложный и нередко крайне запутанный характер. Чтобы более продуктивно обсуждать эти вопросы, нужно прояснить и расширить язык, на котором можно говорить о месте ценностей в научном познании. Представ-

⁴ Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 343.

⁵ Например, глава австрийской экономической школы К. Менгер в своих «Исследованиях о методах социальных наук и политической экономии в особенности» (1883) относит экономику к «этическим наукам» (Менгер К. Избранные работы. М., 2005. С. 324). Немецкую историческую школу национальной экономии также называли «этической школой политической экономии».

ляется, что также важно свести в эпистемологическом анализе весьма туманное и возвышенное слово «ценность» к более ясному и простому значению. Замечу еще, что в различных социальных науках – социологии, экономике, этнографии – существуют особенности в проявлении ценностей в познании. Поэтому в качестве примера здесь берется экономическая наука, в которой дискуссия о ценностях идет уже полтора века.

СУЩЕЕ И ДОЛЖНОЕ. ПРИНЦИП ЮМА

В философской аксиологии существует множество трактовок природы и типов ценностей⁶. Среди них можно выделить три основных подхода. Первый исходит из понимания ценности как субъективной значимости того или иного объекта для индивида или определенного сообщества людей. Второй – объективистский подход – настаивает на более независимом существовании ценностей, на том, что они являются благами самими по себе, а не конституируются лишь отношением к ним субъекта. Третье направление идет от неокантианского понимания ценностей как нормативно-целевой структуры практического разума; ценности здесь противопоставляются сущему (они «не существуют, но значат») и предстают как общезначимые образцы, выступающие условиями целеполагания в разных областях человеческой деятельности.

В современных дискуссиях о ценностях в социальном познании ценности обычно понимаются в субъективном смысле и конкретизируются через понятия сущего и должного⁷. Так звучит определение ценностей, которое дает наш известный специалист по логике оценок: «Ценность – отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект, и самим объектом. Если объект

⁶ См.: Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. М., 1967; Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М., 1994; Grice P. The Conception of Value. Oxford, 1991.

⁷ Очень оживленная полемика вокруг роли ценностей в связи с категориями сущего и должного велась еще в начале XX в. в немецкой социологии и экономической науке. Анализ этой дискуссии, перекинувшейся и в отечественную методологию социальных наук, дает выдающийся русский экономист Н.Д. Кондратьев в главе «Категория сущего и должного в социально-экономических науках» своей незаконченной методологической работы «Основные проблемы экономической статистики и динамики» (М., 1991).

соответствует предъявляемым к нему требованиям (является таким, каким он должен быть), он считается хорошим, или позитивно ценным; объект, не удовлетворяющий требованиям, относится к плохим, или негативно ценным; объект, не представляющийся ни хорошим, ни плохим, считается безразличным, или ценностно нейтральным»⁸.

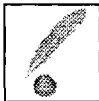
Важным следствием такого понимания является то, что ценность как отношение соответствия объекта представлению о нем является противоположностью истины как отношения соответствия представления объекту. Истинностное отношение между мыслью и объектом находит свое выражение в описаниях, ценностное отношение – в оценках. Если описательное утверждение не соответствует объекту, должно быть изменено описание, а не его объект; если же оценочное утверждение не соответствует объекту, то изменению подлежит уже сам объект. Иными словами, в рамках ценностного отношения речь идет не о том, каков объект «есть», а каков он «должен» быть.

Впервые на противоположность сущего и должного в этом контексте и невозможность логического перехода от «есть» к «должен» обратил внимание Д. Юм. В «Трактате» он отмечает: «Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки *должно* или *не должно*. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это *должно* или *не должно* выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него»⁹.

Утверждение о том, что фактуальные, описательные утверждения сами по себе могут повлечь или подразумевать лишь другие описательные утверждения, но никак не суждения долженствования, включая ценностные суждения и этические предписания, получило назва-

⁸ Ивин А.А. Ценность // Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004. С. 968.

⁹ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 2, 3. М., 1995. С. 229–230.

ние «принцип Юма» (или «гильотина Юма» за резкое размежевание сферы фактов и сферы ценностей).

В последующих философско-методологических дискуссиях сложился целый набор антонимов, с помощью которых описывались проблемы, возникающие вокруг этой дилеммы в социальном познании:

факты	ценности
есть	должно быть
объективное	субъективное
описательные/дескриптивные суждения	предписывающие/прескриптивные суждения
референтные суждения	нереферентные суждения
истинный/ложный	хороший/плохой
позитивная теория	нормативная теория
наука	практика/политика

Хотя в логическом плане эти разделения представляются достаточно четкими, в реальных научных суждениях описания и ценности нередко явно или неявно переплетены. Это связано как с природой языка, так и с тем, что за фактуальными суждениями часто скрываются завуалированные предписания и оценки. Например, суждение «плохие деньги вытесняют хорошие» из-за использования в нем оценочных слов, на первый взгляд, кажется ценностным. Между тем это одно из самых объективных и ценностно-нейтральных утверждений экономической теории. Этот закон, сформулированный Т. Грешемом еще в XVI в., предсказывает, что там, где одновременно обращаются два вида денег (например, золотые и серебряные монеты) с официально установленной стоимостью, не совпадающей с относительной рыночной стоимостью этих двух металлов, деньги с более высокой истинной стоимостью будут неизбежно изыматься людьми из оборота и сохраняться в виде сокровищ. С другой стороны, в социально-экономических науках в описательных на вид суждениях постоянно используются такие слова, как «неравенство», «свобода», «справедливость», «капиталистический» и т.п. Использование таких ценностных по своей сути понятий практически неизбежно привносит неявные оценки в фактуальные рассуждения. Ф. Хайек считает, что это происходит даже с таким относительно нейтральным словом, как «социальный», в суждениях, например, о «социальной рыночной экономике», «социальном продукте», «социальном согласии» и др. В подобных контекстах «фактическое и нормативное значения слова "социальный" из-за его явной дихотомичности постоянно меняются местами,

и то, что поначалу кажется описанием, исподволь превращается в предписание»¹⁰.

ПОЗИТИВНАЯ И НОРМАТИВНАЯ НАУКА. КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Позитивистское по духу стремление обособить объективную, эмпирически обоснованную часть социальных наук от ценностных и идеологических суждений о том, что «должно быть», в экономической науке с середины XIX в. получило форму разграничения *позитивной* и *нормативной* экономической теории, «научной» экономической теории и практических советов по вопросам экономической политики. Впервые это появилось в работах Н. Сениора и Дж.Ст. Милля в виде различения между политической экономией как наукой и как «искусством». Позднее в книге «Предмет и метод политической экономии» Дж.Н. Кейнс (отец знаменитого экономиста) различал «позитивную науку» - систематическое знание о том, что есть, «нормативную науку», которая определяет цели экономического развития, и «искусство» как формулировку рецептов для достижения этих целей.

В своем известном методологическом эссе М. Фридмен присоединяется к этому разграничению, считая, что его затемняют лишь ангажированные «эксперты», которые склонны принимать только те позитивные выводы, которые соответствуют их предвзятым нормативным убеждениям. Сама же «позитивная экономическая наука принципиально независима от какой-либо этической позиции или нормативных суждений. Как говорит Кейнс, она занимается тем, "что есть", а не тем, "что должно быть". Ее задачей является создание системы обобщений, которые можно использовать для корректных предсказаний тех следствий, к которым приведет любое изменение обстоятельств. О ее качестве следует судить по точности, широте охвата и согласованности с реальностью тех предсказаний, которые она дает. Короче говоря, позитивная экономическая наука является или может являться "объективной" наукой точно в том же смысле, как и любая из физических наук»¹¹.

Хотя большинство экономистов, видимо, согласны с тем, что есть интуитивно ясное различие между чисто теоретическими положения-

¹⁰ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 197.

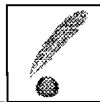
¹¹ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 21.

ми и нормативными ценностными суждениями, граница между ними все же представляется некоторым ученым и методологам проницаемой по ряду причин. Во-первых, экономическая наука, как и любая человеческая деятельность, ориентируется на некоторые ценности. Последние, конечно, не могут быть тождественны тем, которые влияют на экономическую политику, но вместе с тем сомнительно, чтобы они принципиально отличались от ценностей и целей людей, которые принимают политические решения по экономическим вопросам. В частности, ученым-экономистам приходится более ясно формулировать и интерпретировать те неполные формулировки целей, которые обозначают политики. Во-вторых, значительная часть современной экономической науки построена вокруг теории рационального выбора, в которой понятие рациональности может приобретать ценностные смыслы. Например, это может проявляться в дискуссиях о совместимости индивидуальной рациональности как максимизации полезности с тезисом о том, что на социальном уровне максимизация общего блага может ограничиваться в свете желаемого уменьшения неравенства или соблюдения прав людей. В-третьих, приводятся данные о том, что знакомство людей с экономическими теориями, которые описывают людей как мотивированных только собственными интересами, побуждает их расценивать такое экономическое поведение более благоприятно и реально становится более эгоистичными.

Наконец, границу между чистой теорией и экономической политикой поколебала возникшая в 1930-е гг. «новая экономическая теория благосостояния, представляющая собой нормативную экономическую теорию, якобы свободную от субъективных оценок, после чего оказалось, что различие между позитивной и нормативной экономической теорией заключалось в противопоставлении бесспорных фактов и ценностей, с одной стороны, и спорных ценностей, с другой. В результате область традиционной позитивной экономической теории была расширена за счет включения в нее чистой экономической теории благосостояния, при этом в области нормативной экономической теории остались только специфические вопросы экономической политики, где о ценностях и целях нельзя сказать почти ничего определенного кроме того, что говорят нам политики. За всем этим стоит ужасная логическая путаница, открывшая путь для массивной атаки на саму идею свободной от ценностей позитивной экономической теории»¹².

¹² Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 190.

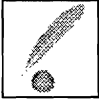

Одними из первых направление для такой атаки наметили представители Франкфуртской школы, разработавшие концепцию так называемой «критической теории». Истоки этой концепции восходят к К. Марксу, который считал, что его теория дает наряду с объективным описанием капиталистической экономической системы ее критику в смысле выявления механизмов, которые приведут к отказу от этой системы и ее смене более развитой общественно-экономической формацией. Т. Адорно в известном «споре о позитивизме» с К. Поппером¹³, ранний Ю. Хабермас сходным образом трактовали задачи критической теории. При этом они доказывали также, что «позитивная социальная наука» на самом деле не является ценностно-нейтральной. Эта наука, ограничивающая себя описанием того, что «есть» и не предлагающая существующему положению вещей в обществе никаких альтернатив, реально идеологически поддерживает сложившиеся условия господства человека над человеком. Иначе говоря, «свободная от ценностей» наука становится инструментом поддержки интересов тех, кому наиболее выгоден наличный социально-экономический порядок.

Эта критика не лишена определенных достоинств, однако стремление увидеть и оценить существующую социальную систему в свете более желаемой для теоретика альтернативы открывает простор для спора об идеологиях и утопических построениях. Хотя и того, и другого было немало в истории социально-экономической мысли, реальный ее прогресс определяется не этим, а развитием средств анализа и объяснения. В этом плане можно согласиться с Й. Шумпетером, который призывал выделять как наиболее значимое аналитическое и методологическое ядро экономической науки и отделять его от переходящих ценностно-идеологических наслоений. «Аналитическая работа начинается с видения, а оно идеологично почти по определению. Если есть хоть какой-нибудь мотив, побуждающий нас видеть факты так, а не иначе, то можно не сомневаться, что мы увидим их так, как нам хочется... Кстати, тот, кто ненавидит свою общественную систему, вовсе не обязательно создаст более объективный ее образ, чем тот, кто ее любит. Ненависть не менее слепа, чем любовь. Единственное, что утешает, так это то, что существует широкий круг явлений, никак не затрагивающих наши эмоции и поэтому представляющихся разным людям одинаково. Кроме того, мы можем отметить, что правила и приемы анализа в той же мере независимы от идеологии, в какой наше видение пронизано ею»¹⁴.

¹³ См.: Адорно Т. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10.

¹⁴ Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1. СПб., 2001. С. 51.

ВНУТРИНАУЧНЫЕ И ВНЕШНИЕ ЦЕННОСТИ

С позицией Шумпетера сходны взгляды некоторых философов науки, которые стремятся отграничить объективные стороны социальных наук путем более внимательного анализа их ценностного содержания. Так, Э. Нагель предложил различать в социальных науках два вида ценностных суждений: характеризующие и оценивающие¹⁵. Первые относятся к выбору предмета исследования, эпистемологическим предпочтениям, выбору методов исследования и процедур обоснования полученного знания. Без такого рода ценностей, которые можно назвать методологическими, никакая наука не может функционировать, поскольку они входят в структуру научного исследования в качестве его неотъемлемых компонентов. Нужно отметить, что и в нашей философии науки их роль достаточно хорошо изучена, правда, в основном применительно к естественным наукам¹⁶.

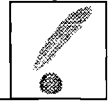
Второй вид – оценивающие суждения – включает в себя нормативные ценностные суждения о состояниях мира: о желательности того или иного человеческого поведения и его социальных последствиях, о «хорошем обществе» и путях движения к нему и т.п. Согласно Нагелю, социальные науки, как и естественные, не могут существовать без методологических ценностей, но могут освободиться или, по крайней мере, минимизировать влияние нормативных ценностных суждений как внешних для науки.

Насколько значимо такое различие между методологическими и внешними оценочными суждениями? Как представляется, в нем есть вполне реальный смысл, если рассматривать науку как коллективную человеческую деятельность. В самом деле, существуют достаточно рациональные, хотя и не дающие однозначных результатов способы обсуждения методологических и эпистемологических предпочтений и достижения определенного консенсуса в этой сфере¹⁷. Дискуссии же о том, каким должно быть общество или его экономическая система, носят иные формы и проходят прежде всего во вненаучной среде: от межпартийных перепалок до противостояния на баррикадах.

¹⁵ См.: Nagel E. *The Structure of Science*. L., 1961. P. 492–495.

¹⁶ См.: Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981; Микешина Л.А. Ценностные предпосылки в структуре научного знания. М., 1990.

¹⁷ См., например: Лаудан Л. Наука и ценности // Современная философия науки. М., 1996.

По-видимому, большинство ученых единодушны в том, что эти два типа дискуссий и, соответственно, два форума, на которых они происходят, необходимо различать. Вместе с тем есть и иные позиции, согласно которым общественные науки должны смелее выходить на внешний форум, а не замыкаться во внутренних ценностях. Например, очень страстно об этом пишет П. Бурдьё: «В умах большей части образованных людей, особенно тех, кто занимается общественными науками, присутствует дихотомия, которая мне представляется совершенно губительной: раскол между *scholarship* и *commitment*, между теми, кто посвящает себя научной работе, используя научные методы и адресуя свои труды другим ученым, и теми, кто вступает в бой, вынося свои знания за пределы научного сообщества. Это противопоставление — искусственное. На самом деле нужно быть независимым ученым, который работает по правилам *scholarship*, для того, чтобы производить ангажированное, легитимно ангажированное знание и вводить это знание в бой... Мне кажется, что в настоящее время у исследователя нет выбора: если он уверен, что существует определенная взаимозависимость между неолиберальной политикой и уровнем преступности, между неолиберальной политикой и признаками того, что Дюркгейм называл бы аномией, как он может не говорить об этом? Ему не только нельзя поставить это в упрек, его нужно с этим поздравить»¹⁸.

Интересно отметить, что несмотря на пафос позиция Бурдьё по сути не столь уж отличается от проведенного Нагелем различия. Ведь в науке, пишет Бурдьё, нужно быть «независимым ученым», работать по «правилам *scholarship*», «необходимо сперва представлять то, что мы считаем научным открытием, на критику коллег»¹⁹. Боевую позицию ученые все же занимают за пределами научного сообщества. В этом с Бурдьё, вероятно, согласились бы и не любимые им неолибералы. В частности, Хайек или Фридмен, которые по одним правилам писали свои экономические трактаты, а по другим — весьма боевые и ангажированные «Дорогу к рабству» и «Капитализм и свободу».

¹⁸ Бурдьё П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. № 5.

¹⁹ Более того, Бурдьё разработал весьма сложную концепцию «двойной объективации», которая нацелена на максимально полную экспликацию нетематизируемых ценностных предпосылок, что позволяет ученому занять позицию «объективного» воззрения на свой предмет. См.: Бурдьё П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма '97. М., 1996.

ВОЗМОЖНА ЛИ СВОБОДНАЯ ОТ ЦЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА?

Этот вопрос, который поставил М. Вебер столетие назад, вызвал не прекращающиеся до сих пор дискуссии и породил массу ответов. Есть несколько необходимых условий и различий (часть из них была отмечена выше), при которых обсуждение этого вопроса приобретает осмысленный характер, а не превращается в неразрешимое противостояние тех, кто убежден во всецелой пропитанности социальных наук ценностями, и тех, кто верит в существование некоей привилегированной позиции внутри общества (Маркс) или вне его («свободно парящий интеллигент» Мангейма), с которой, как с островка истины, открывается объективный взгляд на социум.

Понимание того, что логический статус фактуальных и ценностных суждений весьма отличен, что целесообразно различать методологические ценности и собственно ценностные суждения, что необходимо разграничивать ценности изучаемых агентов социального действия (которые описываются в фактуальных суждениях) и ценностные предпосылки субъекта познания, что свобода от ценностей достигается не столько личным усилием мюнхаузенского типа вытаскивать себя из погруженности в общество, сколько критическими возможностями научного сообщества, позволяет в наши дни более детально и продуктивно обсуждать вопрос об объективности социальных наук.

Достоинством веберовского подхода, который сохраняет свою значимость и сейчас, является то, что в нем не отрицалась нагруженность социальных наук ценностями и идеологическими предубеждениями, но постоянно подчеркивалась возможность и плодотворность *рационального анализа и рациональных дискуссий* о ценностях. Этот «спор о ценностях» может идти как в рамках научной дисциплины, так и на философско-методологическом уровне, когда речь идет о методологических или идеологических ценностях. Как уже отмечалось, для социальных наук характерно наличие смешанных описательно-оценочных суждений. В них оценки зависят от фактов и теоретических доводов, поэтому рациональные дебаты о спорных ценностях могут опираться на анализ фактов и конкурирующих теорий, что обычно для науки. Сложнее обстоит дело при обсуждении чистых нормативных ценностей. Но и на этом уровне возможны и полезны рациональные формы дискуссии. Так, по мнению М. Блауга, в экономической науке они принимают формы: «(1) изучения внутренней последовательности ценностных предпосылок, из которых выводятся расходящиеся нормативные суждения; (2) определения последствий этих ценностных предпосылок в свете практических обстоятельств их применения;

и (3) отслеживания фактических последствий альтернативных способов воплощения нормативных суждений»²⁰.

Наконец, возможен рациональный спор и по поводу идеологий. Но для этого нужно отказаться от марксистской трактовки идеологии как «ложного сознания», поскольку здесь, помимо прочего, неясен критерий отличия ложного от истинного. Это не случайно, поскольку ядро любой идеологии составляют ценностные суждения, к которым характеристики истина/ложь неприменимы. Вместе с тем идеологии являются достаточно когерентными совокупностями ценностных суждений, склонными предъясвлять себя изложением фактов и их концептуальной обработкой. Это придает им убедительность, но одновременно открывает возможности рациональной критики с позиций оценки внутренней последовательности и фактуальной оправданности. Н. Луман также указывает, что в условиях все более ускоряющихся общественных перемен критический анализ идеологий облегчается их исторической изменчивостью. «При этом дело может дойти до обмена темами между правыми и левыми, так что темы, бывшие некогда консервативными, такие как культурный пессимизм, критика техники и обращение к "государству", обнаруживаются теперь главным образом в лагере "левых"»²¹.

Человеческая деятельность невозможна без норм и оценок. Науки, изучающие человека и общество, неизбежно говорят не только о том, что «есть», но и о том, что «должно быть», применяют оценки и опираются на определенные явные и неявные ценности. «Ценности суть "слепые пятна", которые вооружают способностью к наблюдению и действию. Ценностность ценности есть та позиция, исходя из которой наблюдают, требуют, ангажируются и обнаруживают себя способными к действию... В фиксированной таким образом перспективе видят лучше (четче, глубже, а также дальше в будущее), но именно в силу этого подставляют себя также и под наблюдение со стороны других. Ценности не суть формулы согласия, напротив, они побуждают к критическому наблюдению наблюдения»²². Взаимодействие объективных описаний и ценностей является одним из основных механизмов, который продвигает исследования в социальных науках. Вместе с тем этот механизм работает хорошо, когда в обществе поддерживается постоянное «критическое наблюдение наблюдения», что позволяет если не освободить науку от ценностей, то постоянно совершенствовать ее аналитические возможности в достижении объективного знания.

²⁰ Блауг М. Цит. соч. С. 197.

²¹ Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М., 1991 С. 202.

²² Там же. С. 203.